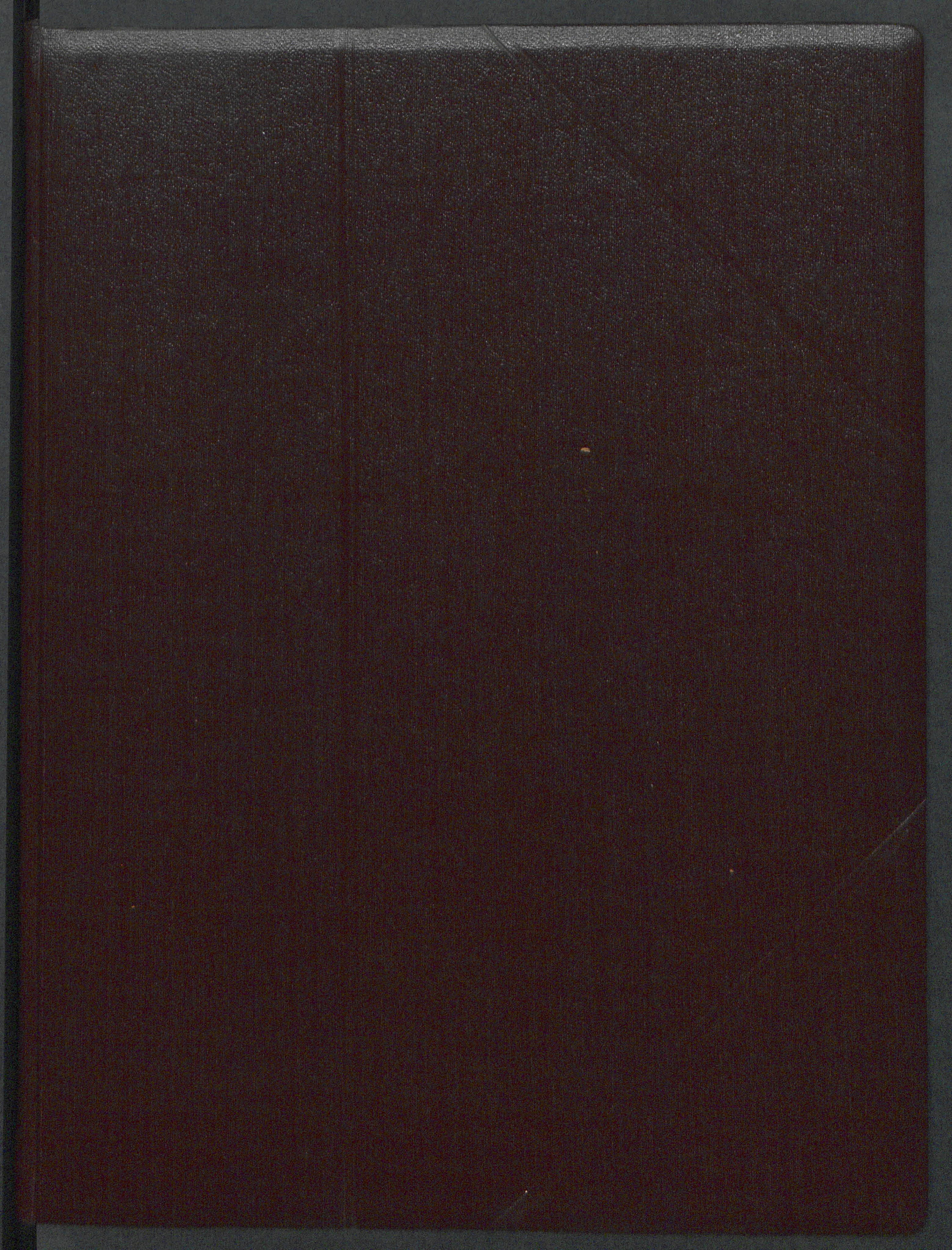
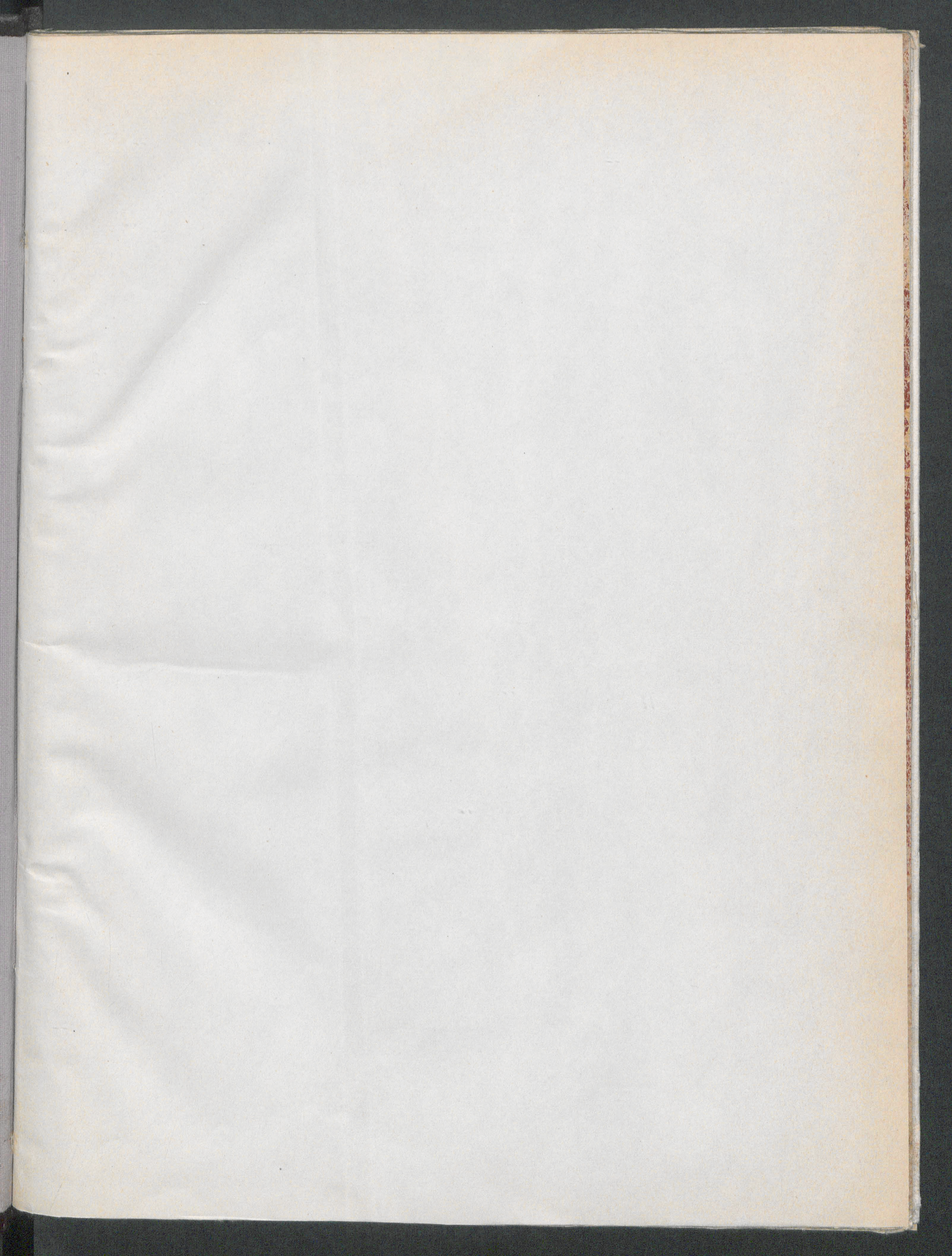
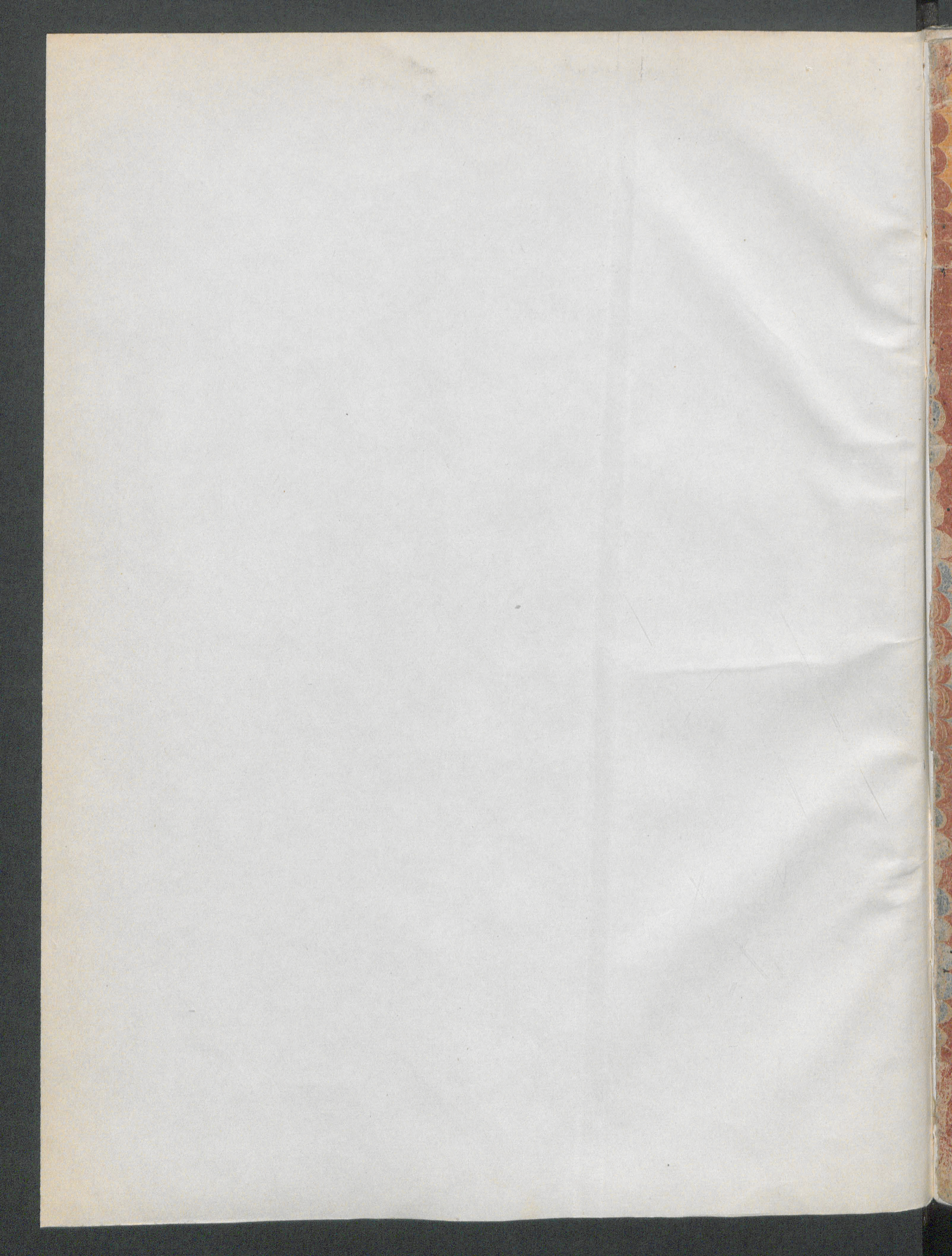
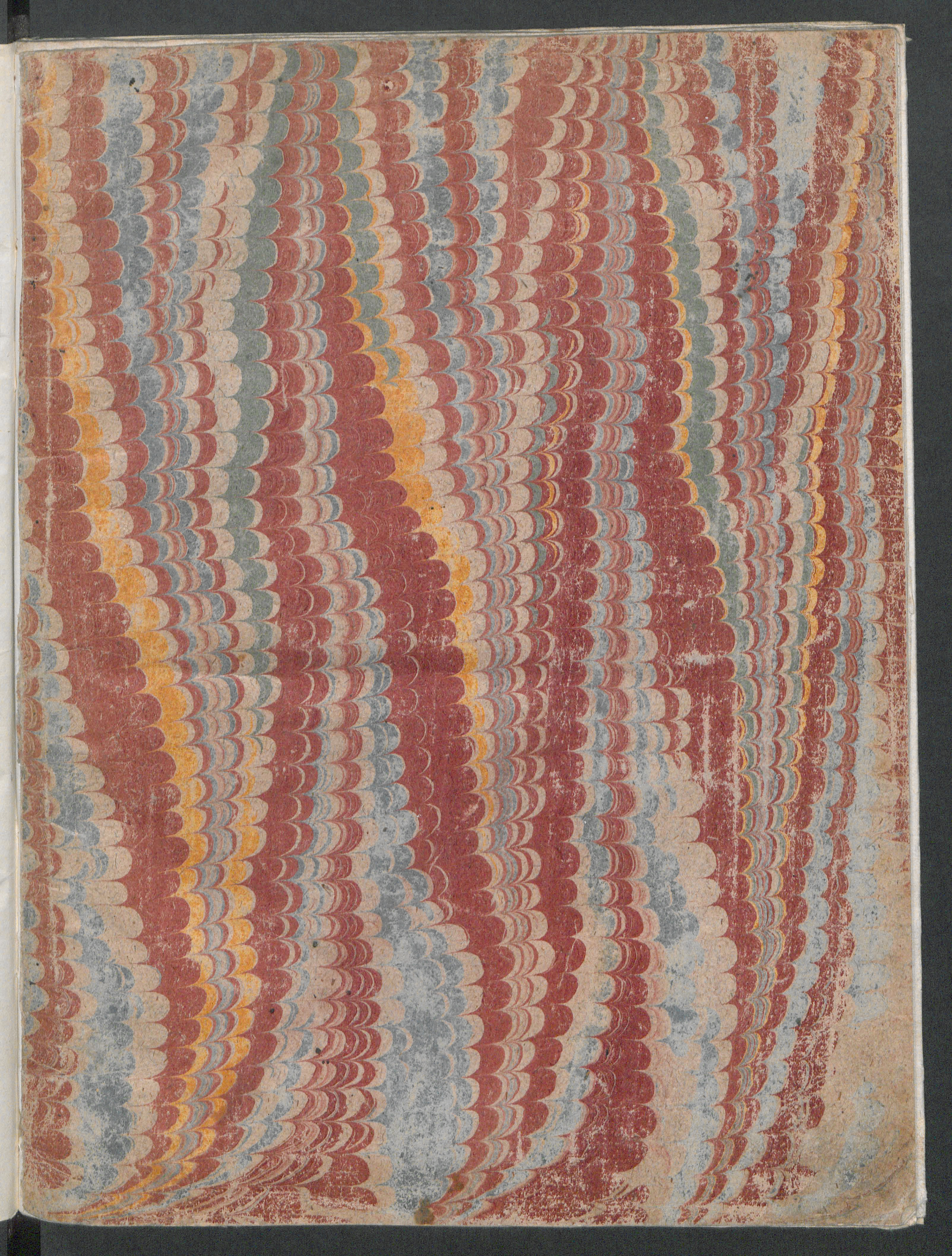

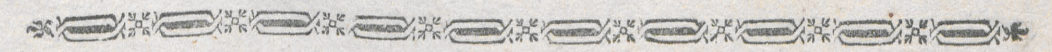

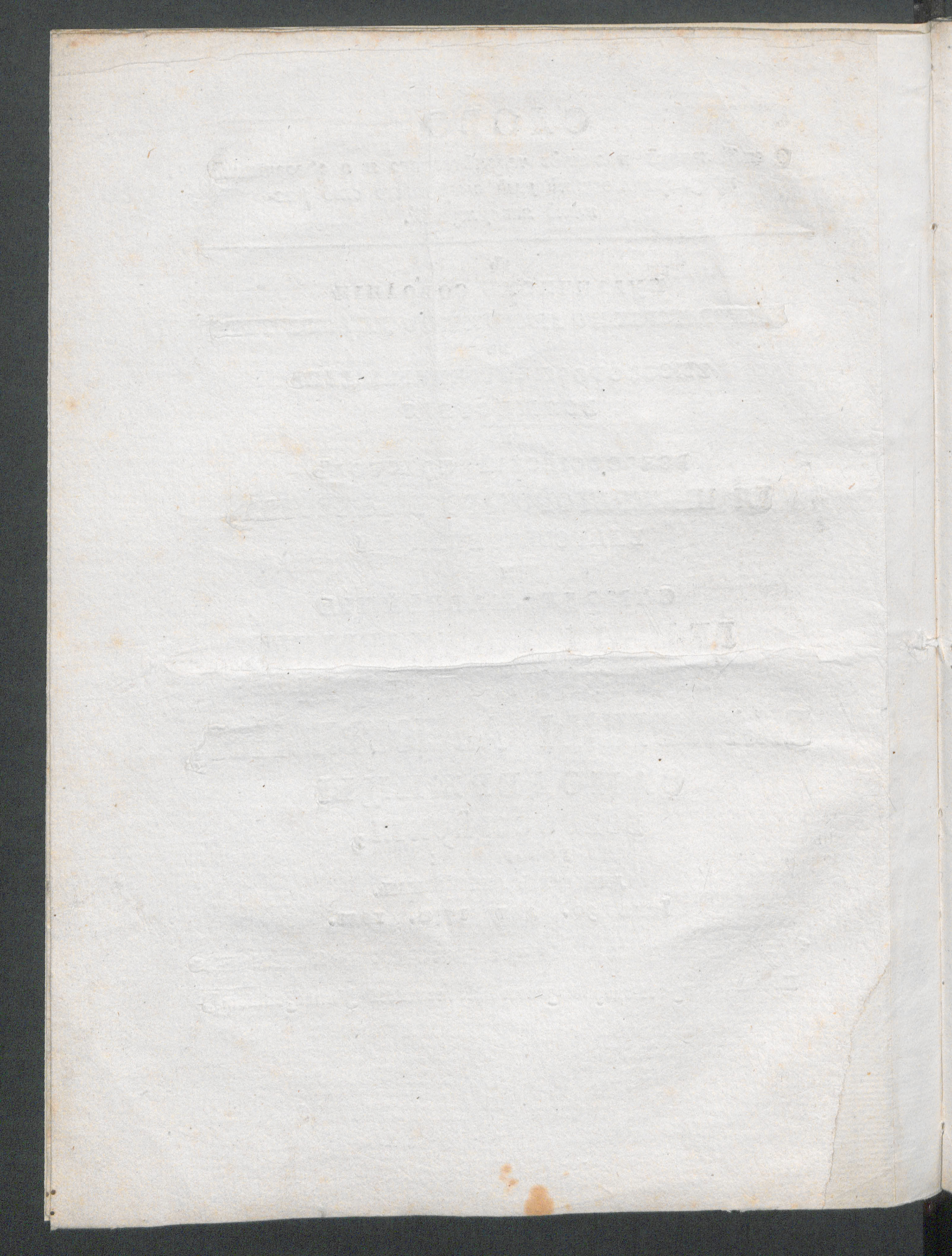

СЛОВО
О свойствахъ познанія человѣческаго и о средствахъ предохраняющихъ умъ смертнаго отъ разныхъ заблужденій.

въ
ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
на
ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ
ВОЗШЕСТВІЯ
на
ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЯ
и
САМОДЕРЖАВНѢЙШІЯ
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,
САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССІЙСКІЯ,
ГОВОРЕННОЕ
ДМИТРІЕМЪ АНИЧКОВЫМЪ.
Іюня 30. дня 1770. года.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

*

* *

Общее почти всѣхъ философовъ мнѣнїе, Почтеннѣйшїе слушатели! состоитъ въ томъ, что все познанїе наше получаетъ начало свое отъ чувствъ, по оному: *нѣтъ ничего такого въ разумѣ, чего бы прежде не находилось въ чувствахъ.* И хотя вещи нераздѣльныя, бытїе свое имѣющїя и чувствами нашими понимаемыя, по причинѣ безчисленныхъ обстоятельствъ, столько различествуютъ между собою, что ни одна другой во всемъ подобная быть не можетъ; однако онѣ имѣютъ такїе признаки, чрезъ которые единственно отличаются отъ другихъ, и потому именуются точно опредѣленными или особенными. Но какъ и такїя находятся вещи, которыхъ мы непосредственно понимать не можемъ, на пр. вещи безтѣлесныя; по чему двоякимъ образомъ умъ нашъ, въ разсужденїи понятїя о вещахъ, дѣйствуетъ: то есть, непосредственно онымъ понимаемъ мы вещи тѣлесныя, образоразличїя и случайныя разныхъ существъ принадлежности; посредственножъ, или чрезъ посредство чувствуемыхъ вещей, понимаемъ мы вещи безтѣлесныя, моральныя и всеобщїя вещей принадлежности.

Такой

Такой различной ума нашего способъ, въ разсужденіи прїобрѣтенія понятій, подалъ случай философамъ раздѣлять разумъ на *чистый* и *нечистый*, великое не согласіе какъ въ разсужденіи основанія такого раздѣленія, такъ и въ разсужденіи знаменованія онаго имѣющимъ. Ибо одни изъ нихъ основаніе такого раздѣленія единственно выводятъ изъ различія предметовъ, и по тому называютъ тотъ умъ чистымъ, который понимаетъ безтѣлесныя вещи, а который понимаетъ тѣлесныя, тотъ именуютъ нечистымъ (*). Другіеж напротивъ того думаютъ, что умъ нашъ тогда токмо можетъ называться чистымъ, когда мы понимаемъ какія вещи безъ всякаго объ оныхъ предварительнаго воображенія, а не чистымъ потому, поелику мы сперва въ мысли своей представляемъ нѣкоторое вещественное подобіе, когда о какихъ вещахъ намѣреваемъ разсуждать (**). Но справедливѣе нечистымъ умъ нашъ можетъ называться потому, что во всякомъ нашемъ познаніи находится сбивчивость, сбивчивыяжъ понятія раждаются отъ чувствъ и воображенія. Изъ чего явствуетъ, что ни какое познаніе разумныхъ тварей никогда не можетъ быть чистое. Почему Платоновы послѣдователи и совѣтуютъ, чтобъ мы всегда мысль свою отвлекали отъ всякаго чувствованія; ибо утверждаютъ они, что дѣйствіе всякаго чувства часто обманываетъ насъ, и мысль наша свѣтомъ истинны тогда токмо озаряется, когда она не утверждается на чувственныхъ представленіяхъ, но сама къ себѣ возвращается и не вѣритъ ни какому чувству, какъ токмо себѣ. Сему мнѣнію послѣдуя Картезіане, и во первыхъ Пурхотій, многими доводами утверждаютъ, что все наше познаніе не зависитъ отъ чувствъ, поелику премного такихъ находится вещей, которыя ни подъ какимъ видомъ чрезъ чувства не могутъ доходить до нашихъ мыслей; на пр. какимъ бы образомъ могли мы доказывать о всевышнемъ существѣ, то есть, о богѣ, что онъ есть всемогущій, преблагій и премудрый всѣхъ тварей создатель, когда бы о немъ не находилось въ мысляхъ нашихъ *прожденнаго понятія*

(*) vid. Ioh. Iac. Syrbius *Inst. Philos. Prim.* P. I. lib. V. §. 26. p. 132.

(**) vid. Val. Ern. Loescherus *Praenot. Theol. praenot.* IV. et V. contra *indifferentist.* pag. 160. et seqq.

нятія (*). Да и не возможно, говорятъ они, чтобъ пресовершенное существо могли мы понимать своими чувствами, когда оно, поелику невещественное, никакого вида о себѣ въ чувства наши вперить не можетъ. Правда, что мы непосредственно понимать бога не можемъ, да изъ твореній заключаемъ о творцѣ; но чтобъ врожденныя о вещахъ идеи въ насъ находились, сего допустить не можно. Ибо кто можетъ удостовѣрить насъ, что мы съ самаго начáла жизни своей дѣйствительнымъ образомъ понимали вышнее существо, сущее, и первыя начáла? Никто поистиннѣ; потому что, естьлибы въ насъ находились врожденныя понятія, тобы всѣ люди о всѣхъ вещахъ одинакое имѣли понятіе, и душа человѣческая по необходимости бы должна была такимъ особливо, а не другимъ образомъ понимать представляющіеся предметы. Но какъ сіе здравому разсужденію и началамъ Психологическимъ противно, чтобъ душа не была свободная, и притомъ выше сего доказано, что мы всѣ понятія какъ о чувствуемыхъ, такъ и о нечувствуемыхъ вещахъ пріобрѣтаемъ чрезъ чувства посредственнымъ или непосредственнымъ образомъ; слѣдовательно не имѣемъ мы врожденныхъ о вещахъ понятій.

Опытъ довольно научаетъ насъ, что мы на сей земный шаръ вступаемъ, не имѣя еще никакого ни о чемъ понятія, а потóмъ постепенно снискиваемъ идеи вещей тѣлесныхъ, отъ которыхъ ужè наконецъ отвлекаемъ понятіе вещей безтѣлесныхъ: то есть, умъ нашъ, по врожденной себѣ способности, невидимыя вещи познаéтъ изъ видимыхъ, отъ особенныхъ вещей отвлекаетъ всеобщія понятія, о будущемъ разсуждаетъ изъ настоящаго и изъ бытія вещественныхъ сущихъ понимаетъ о невещественныхъ. Такимъ образомъ на пр. изъ бытія видимыхъ вещей, которыя поелику сами собою не могутъ дать себѣ бытія, заключаемъ, что непремѣнно находится такое существо, отъ котораго бы оныя, какъ отъ первоначальной причины, зависѣли. Равнымъ образомъ

(*) Чрезъ врожденное понятіе разумѣютъ они такое, которое съ самаго начала жизни нашей и до смерти всегда въ насъ находится, и которое одна первоначальная причина безъ вспомоществованія другой какой нибудь причины во всѣхъ вообще вливаетъ. vid. PURCHOT. *Metaphyſ.* P. 2. ſect. 3. c. 4 prop. 4.

образомъ изъ преизряднаго порядка, наблюдаемаго между вещьми въ семъ видимомъ свѣтѣ, заключаемъ, что богъ есть единъ и премудрый (*); идею духа получаемъ, когда изключивъ всѣ тѣ свойства, какія въ тѣлахъ примѣчаемъ, яко то раздѣленіе на части, фигуру и проч. присовокупляемъ къ оному разумъ и волю. Равномѣрно сущаго, существа и другихъ вещей чрезъ отвлеченіе получаемъ идею.

Но естьли спросить того, кто ясно чувствуетъ въ себѣ врожденныя идеи, для чего не знаютъ ихъ тѣ, кои будучи возпитаны между звѣрями, или отъ природы будучи глухи и нѣмы, послѣ научаются съ людьми говорить и сообщать имъ свои мысли, а о томъ ничего не упоминаютъ, что они до того времени понимали? (**) По истиннѣ ничего не будетъ отвѣтствовать на сіе. Ибо опытъ увѣряетъ насъ, что младенцы по прошествіи нѣкотораго времени начинаютъ получать идеи о вещахъ, на пр. получивъ они сперва себѣ чрезъ чувства или чрезъ отвлеченіе двѣ идеи, сравниваютъ оныя между собою, а потомъ постепенно и до того доходятъ, что и между тремя идеями, помощію сравненія, находятъ уже новыя истинны; то есть, умъ нашъ дѣйствуетъ въ насъ на подобіе Ариѳметиста. Ибо какъ желающій знать Ариѳметику долженъ вопервыхъ понять простыя числа и оныя чрезъ счисленіе выговаривать, а потомъ сносить два числа чрезъ сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе, и наконецъ чрезъ тройное пра-

(*) Сл. Сирбій доказываетъ бытіе Божіе изъ безконечнаго желанія человѣческаго слѣдующимъ образомъ: Имѣютъ, говоритъ онъ, люди безконечное желаніе, но какъ такое желаніе врожденное есть и соестественное, то не можетъ быть тщетное, а когда не тщетное, то слѣдуетъ, чтобъ то, къ чему оно относится неотмѣнно имѣло бытіе; относится жъ такое безконечное желаніе человѣческое къ безконечному благу, то есть, Богу; слѣд. есть Богъ. Conf. *Philos. prima* p. 19. et *Dissert. eiusdem de desiderio hominis infinito*, Ienae habita.

Стурмій же доказываетъ бытіе Божіе изъ строенія человѣческаго глаза, *Гамбергеръ* изъ дѣйствія человѣческаго сердца; *Вухереръ* изъ мозгу и проч. vid. BUDDEUS lib. *de superstit.*

(**) *Exempla eiusmodi* ex BERN. CONNOR. et *hist. Academ. Scient.* an. 1703. *deprompta habes in Act. erudit.* Lips. 1707. p. 507.

правило сравнивать между собою три числа, и изъ извѣстнаго количества находить неизвѣстное: такъ равнымъ образомъ и умъ нашъ прежде всего понимаетъ простыя идеи, на пр. идею луны, идею свѣта, идею видимыхъ тѣлъ и проч. потомъ двѣ идеи, на пр. *свѣтъ тѣла освѣщаетъ*, *солнце свѣтитъ*, между собою сравниваетъ, и наконецъ изъ сравненія трехъ идей между собою выводитъ, что когда свѣтъ тѣла освѣщаетъ, то и солнце или луна, поелику также дѣйствуютъ, суть свѣтъ и могутъ освѣщать тѣла (*). Изъ чего явствуетъ, что три токмо суть дѣйствія ума нашего, а не больше: то есть, *понятіе*, *разсужденіе* и *умствованіе*, хотя нѣкоторые изъ новѣйшихъ Французовъ и Агличанъ къ симъ тремъ дѣйствіямъ и присовокупляютъ четвертое, то есть, *способъ* (methodum), но несправедливо. Ибо способъ не что иное есть, какъ образъ учреждать идеи, разсужденія и умствованія порядочнымъ образомъ и по правиламъ (**). Буддей же и Ридигеръ всѣ дѣйствія способности познавательной раздѣляютъ на умъ, разсужденіе и память, и чрезъ то не токмо способности смѣшиваютъ съ дѣйствіями, но и надлежащіе законы раздѣленія и различенія пренебрегаютъ (†).

И такъ начало и источникъ всѣхъ способностей душевныхъ, принадлежащихъ до нижней части познанія человѣческаго, есть *могущество* или *способность*, такъ называемая, *познавательная* (*Potentia, siue facultas cognoscendi*), то есть, такая способность, помощію которой душа, будучи зависима отъ тѣлесныхъ органовъ или внѣшнихъ или внутреннихъ (††), представляетъ себѣ разныя вещи и внѣ ея находящіяся. Но какъ вещи, которыя мы чрезъ способность познавательную себѣ представляемъ, суть или *нераздѣлныя* или *отвлечен-*

ныя

(*) vid. THOM. HOBBES. *in libell. de corpore p.* 1. *ab initio.*

(**) MARTIN KNUTZEN *Log. p.* 61.

(†) Eiusd. ibid. p. 62.

(††) Внѣшнія чувства всѣмъ извѣстны, яко то зрѣніе, слышаніе, вкусъ, обоняніе и осязаніе. Чрезъ внутреннее жъ чувство разумѣется не что иное, какъ способность познавать все то, что сбывается въ нашей душѣ. Vid. HONORAT. FABRI L. II. *Caesar Cremonius* Tr. II. Lib. IV.

ныя (*), и нераздѣльныя суть или присутствующїя или отсутствующїя, и первыя понимаемъ чувствами, а послѣднїя чрезъ воображенїе и память, отвлеченныя жъ умомъ и разумомъ; то къ нижней части познанїя человѣческаго, какое имѣемъ мы общее со скотами, особливо относятся способности *чувствованїя*, *воображенїя и памяти*. На противъ того къ вышней части познанїя человѣческаго принадлежатъ собственно такъ названныя способности *разумѣнїя*, *разсужденїя*, *умствованїя*, *вниманїя и отвлеченїя*, единственно одному человѣку, поелику разумомъ одаренному, свойственныя.

Хотя никто и не споритъ въ томъ, что человѣкъ имѣетъ способность разумѣнїя, поелику внутреннее всякаго свѣденїе увѣряетъ въ справедливости сего; однако великое несогласїе имѣютъ между собою философы въ разсужденїи способа, по которому душа наша обыкновенно производитъ въ себѣ понятїя о тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ вещахъ. И вопервыхъ Перипатетики, кромѣ пяти внѣшнихъ чувствъ, допускаютъ еще четыре внутреннїя, то есть, 1) *общее чувство* въ нижнихъ частяхъ мозга обитающее, которое всѣ внѣшнихъ чувствъ предметы, аки бы въ одну кучу собранные, въ себѣ вмѣщаетъ и разпознаетъ оные между собою; 2) *фантазїю*, или *воображенїе*, которое вещи чувствами понимаемыя соединяетъ, и почитается сокровищемъ изображенїй общаго чувства; 3) *способность мысленную*, которая не чувственныя вещи, но отвлеченныя, на пр. добродѣтель, честность, пользу и проч. понимаетъ; 4) *чувственную память*, которая соблюдаетъ изображенїя, и оныя въ свое время, такъ какъ присутствующїя, опять представляетъ. Умъ обыкновенно раздѣляютъ они на *дѣйствующїй* (*agentem*) и *страждущїй* (*patientem*, *passibilem*, *siue patibilem*): первой по ихъ мнѣнїю,

(*) *Нераздѣльнымъ или особеннымъ* (*indiuiduum seu singulare*) называется такое сущее, которое такъ опредѣлено, что другимъ образомъ не можетъ опредѣлено быть, на пр. сїя книга. Чрезъ *отвлеченныя жъ* сущїя, инако называемыя *всеобщими* (*abstracta seu vniuersalia*), разумѣются такїя сущїя, которыя приличествуютъ многимъ, на пр. животное, также человѣкъ и проч.

мнѣнїю, поелику не имѣетъ никакой въ себѣ изображенной идеи или вида, хотя и почитается *выскобленною доскою* (*tabula rasa*) (*); однако имѣетъ между тѣмъ способность отъ вещественныхъ воображенїй, чистѣйшимъ нѣкоторымъ, какъ Корсинъ говоритъ, (**) и невещественнымъ собственнымъ свѣтомъ озаренныхъ, отвлекать невещественный нѣкоторый видъ, который потóмъ не болѣе ужè въ мозгу, перемѣшенномъ вещественными обстоятельствами, но въ самомъ умѣ, отъ такихъ обстоятельствъ отдѣленный, очищенный и точно аки бы въ невещественность приведенный изображается. Чрезъ страждущїй же умъ (†) разумѣли они тотъ самый, на которомъ отвлеченные дѣйствующимъ умомъ виды изображаются, отъ которыхъ оный будучи опредѣленъ, производитъ познанїя, и оныя также въ себя вмѣщаетъ. Такимъ образомъ думаютъ они, что внѣшнїй предметъ, на пр. свѣтъ, изображаетъ видъ свой или образъ въ чувственномъ óрганѣ, то есть, въ глазу, и душа, обитающая въ ономъ съ симъ видомъ отъ предмета *впечатлѣннымъ* производитъ другой видъ, то есть, *изображенный*, помощїю котораго собственно бываетъ зрѣнїе свѣта.

Но справедливѣе мнѣ кажется, когда во всякомъ познанїи человѣческомъ три степени различаются. Первой изъ оныхъ, какъ и выше сего упомянуто, есть общїй съ безсловесными скотами, и состоитъ въ движенїи или возбужденїи тѣлеснаго óргана; второй заключается въ нѣкоторомъ понимáнїи онаго изображенїя, и почитается собственнымъ душѝ; третїй наконецъ познанїя человѣческаго степень состоитъ въ разсужденїи, которое душа, сдѣлавъ понятїе о вещи, немедленно производитъ. Такимъ образомъ на пр. какъ скоро увижу я какой предметъ, тотчасъ отвлеченный отъ онаго свѣтъ доходитъ до моего глáза и приводитъ оный въ движе-

 нїе;

(*) Vid. Aristotel. lib. 3. *de anima* t. 14.

(**) vid. *Corsin. Phys.* part. tract. 2. disp. 4. c. 4.

(†) Такой умъ называетъ Аристотель тлѣннымъ и смертнымъ. Vid. Aristotel. lib. 3. *de anima* cap. 6.

нїе; ибо изъ вещей ничего до нашихъ чувствъ не доходитъ, кромѣ движенїя или впечатлѣнїя. Потóмъ такое изображенїе впечатлѣнное въ самыхъ нижнихъ частяхъ моего глáза, чрезъ посредство оптическихъ нервовъ и тоненькихъ онаго жилокъ, къ самому мозгу или обиталищу душевному переносится, отъ чего въ душѣ и послѣдуетъ понятїе о томъ мною видимомъ предметѣ. Наконецъ за разсужденїемъ, помощїю котораго душа почитаетъ тотъ предметъ такимъ или другимъ, послѣдуетъ внѣшнее дѣйствїе, то есть, движенїе, которое, начиная отъ мозгу, во всѣ члены разливается чрезъ нервы. То есть душа наша сообщаетъ свои силы собственному своему тѣлу (*) не чрезъ вещественное излїянїе, но чрезъ способъ соединенїя своего съ тѣломъ. Ибо когда душа находится въ соединенїи съ тѣломъ, хотя сама собою и могла бы исполнять свои дѣйствїя; однако, по причинѣ соединенїя своего съ тѣломъ, не можетъ исполнять оныхъ безъ тѣла, пока ни находится въономъ: и тѣло получаетъ отъ души могущество или силу, чтобъ быть органомъ или орудїемъ для дѣйствїй душевныхъ. Такимъ образомъ душа видитъ глазами тѣлесными, слышитъ ухомъ, говоритъ языкомъ, а для разумѣнїя и памяти употребляетъ въ помощь находящїйся въ головѣ мозгъ, чувства и сердце. И обратно глаза видятъ, уши слышатъ, голова разумѣетъ не по естественному своему сложенїю, или собственною своею силою, но силою души сопряженной съ тѣломъ. Ибо, по разлученїи души отъ тѣла, тѣлесные органы ничего такого не оказываютъ. Равнымъ образомъ, по поврежденїи тѣлесныхъ органовъ, хотя душа сама въ себѣ и почитается разумною, токмо дѣйствїй или не можетъ оказывать, или по крайней мѣрѣ неисправно оказываетъ оныя.

И такъ мы вещь сперва глазами усмотренную, а потóмъ въ мысли своей представленную, или стараемся получить

(*) Чрезъ собственное тѣло разумѣется такое, отъ котораго всѣ понятїя о вещахъ зависятъ непосредственно, и надъ которымъ душа наша имѣетъ верьховную непосредственную власть въ разсужденїи приведенїя въ движенїе органовъ онаго. Часть же нашего тѣла для исправленїя особливо сей, не жели другой, должности способная, именуется *органомъ тѣлеснымъ*.

чить себѣ, яко пользу намъ приносящую, или отвращаемся отъ оной, яко не надобной и никакой пользы неприносящей. Впрочемъ самое пониманïе отъ движенïя причиненнаго въ какомъ органѣ весьма должно отличать. Ибо часто случается, что мы нимало не чувствуемъ того, что видимъ глазами, когда мысль наша объята бываетъ другими предметами, а самыя чувства тогда по большей части обманываютъ насъ, и мысль наша никакого о предметѣ чрезъ оныя представленномъ не имѣетъ понятïя, когда разсужденïе наше вскорѣ за онымъ послѣдуетъ. Такимъ образомъ въ малолѣтствѣ всѣ почти наши разсужденïя относятся къ чувствамъ, и ничему мы больше не вѣримъ тогда, какъ токмо тому, что чувствами понимаемъ. Почему и вещи добрыми или худыми называемъ для того только, что оныя или полезны, или вредны нашему тѣлу.

Когдажъ во время всякаго чувствованïя должно происходить нѣкоторой перемѣнѣ въ чувственныхъ нашего тѣла органахъ, и оную перемѣну, произведенную отъ вещей внѣ насъ находящихся, душа должна себѣ тотчасъ представлять, то явствуетъ изъ сего, что ни душа безъ тѣла не можетъ имѣть понятïй о вещахъ, ни тѣло безъ души чувствовать, въ чемъ и состоитъ крѣпчайшïй оный души съ тѣломъ союзъ и неразрывное сопряженïе, хотя и кажется намъ, что будтобы иногда тѣло, иногда душа порознь чувствуютъ; однако всегда въ одно время и совокупными силами. То есть, тѣло во время чувствованïя причиненныя перемѣны и отъ внѣшнихъ вещей произведенныя въ чувственныхъ его органахъ въ себя вмѣщаетъ, а душа оныя себѣ представляетъ. На пр. когда я слышу громъ отъ выстрѣла пушечнаго, то сïе бываетъ такимъ образомъ, что причиненный на воздухѣ звукъ, отъ сильнаго ударенïя другъ объ друга тѣлъ, пробравшись сквозь тончайшïе и сокровеннѣйшïе ушей моихъ проходы, ударяетъ во внутреннюю перепонку органа слышанïя, и какъ токмо сïе происходитъ, то въ туже самую минуту и душа представляетъ себѣ перемѣну, причиненную въ ушахъ. Впрочемъ хотя и можемъ мы воспрепятствовать, чтобы внѣшнïя вещи меньше дѣйствовали въ чувственные

 наши

наши органы и въ оныхъ производили перемѣны, на пр. можемъ мы закрыть глаза, естьли не хотимъ видѣть лица мертваго и престарѣлаго человѣка, можемъ съ Улиссомъ заткнуть уши, естьли не хотимъ слышать гласа поющихъ Сиренъ, можемъ также наконецъ умъ свой отвратить отъ однихъ внѣшнихъ вещей и въ другія вперить такъ, какъ Аѳенодоръ у Плинія (*); однако не въ нашей то волѣ состоитъ, чтобъ, какое ни захотѣли, такое и могли мы произвести чувствованіе. Ибо никто не можетъ сдѣлать того, чтобъ жесточайшая болѣзнь подагра тому, кто всегда полагалъ надежду на ноги, такое приносила увеселеніе, какое приносятъ согласная музыка и сладкопѣніе. Изъ чего явствуетъ, что умъ человѣческій въ разсужденіи чувствованія такимъ обязанъ закономъ, что по оному, такъ опредѣленному отъ бога, всегда долженъ поступать; то есть, естьли въ чувственные наши органы (**) дѣйствуютъ какіе внѣшніе предметы и производятъ въ оныхъ какую перемѣну, то такихъ перемѣнъ не можетъ не представлять себѣ душа.

Но спрашивается, всегда ли душа человѣческая, будучи совокупленная съ тѣломъ, помышляетъ, то есть, способность разумѣнія всегда ли оказываетъ приличествующее себѣ дѣйствіе? Утверждаетъ сіе Картезій съ своими послѣдователями и особливо потому, что онъ сущность души полагаетъ въ дѣйствительномъ и всегдашнемъ помышленіи, а сущность тѣла въ дѣйствительномъ протяженіи. Согласуетъ съ Картезіемъ и Волфъ, который полагая, что сущность души состоитъ въ воображательной силѣ, въ расположеніи органическаго тѣла въ семъ мірѣ вещественнымъ образомъ и учрежденіи чувственныхъ органовъ формально ограниченномъ, далѣе утверждаетъ, что душа и во снѣ производитъ понятіе

(*) Vid. Plin. lib. VII. epist. 27. p. 537. edit. Cortii et Longolii.

(**) Чувства наши по справедливости почитаются вратами, чрезъ которыя виды, отъ внѣшнихъ вещей отвлеченные, входятъ въ нашу душу, откуда потомъ произходитъ всякое познаніе. Почему справедливо говоритъ Цицеронъ, что натура человѣку чувства какъ нѣкоторыхъ спутниковъ и вѣстниковъ даетъ. См. Циц. кн. 1. о законахъ.

тїе о цѣломъ свѣтѣ, но токмо темное или сбивчивое (*). Другїе жъ напротивъ того въ разсужденїи сего вопроса ничего не опредѣляютъ, потому что опытомъ еще не дознано, говорятъ они, чтобъ душа, находясь или въ глубокомъ снѣ, или во чревѣ матернемъ, или во младенчествѣ, могла всегда мыслить. Ибо часто случается, что мы, пробудившись отъ сна, нимало не памятуемъ того, что или видѣли во снѣ, или о чемъ помышляли, а о томъ и никакого свѣденїя другимъ сообщить не можемъ, что мы дѣлали, находясь во чревѣ матернемъ, или въ самомъ младенчествѣ. Изъ чего явствуетъ, что душа хотя и есть существо помышляющее, однако не всегда помышляетъ, такъ какъ на пр. человѣкъ хотя и называется животнымъ разумнымъ, однако часто отступаетъ отъ своего разума, и въ разсужденїи своихъ дѣлъ не рѣдко уподобляется безсловеснымъ животнымъ; или какъ во власти душевной состоитъ, что она можетъ на время оставить свое хотѣнїе, такъ равнымъ образомъ можетъ она оставить на время и свое помышленїе о вещахъ. Да и подлинно такъ, что дѣйствительное и всегдашнее помышленїе не есть сущность души, но токмо свойствомъ и принадлежностїю ея должно почитаться (**), поелику умъ разумной души не всегда оказываетъ свои дѣйствїя или по причинѣ поврежденныхъ чувственныхъ органовъ, или за недостаткомъ воображенїя, отъ котораго оный во время своего помышленїя, неотмѣнно долженъ зависѣть, хотя и имѣетъ непрерывное стремленїе какимъ нибудь образомъ изъявлять свое бытїе. Почему великое различїе должно полагать между могуществомъ или врожденною способностїю ума нашего и между самымъ его дѣйствїемъ: то есть, въ силу перваго всегда свойственно и приличествуетъ нашей душѣ, что она имѣетъ свѣденїе о себѣ самой и о другихъ внѣ ея находящихся вещахъ; въ силу жъ послѣдняго хотя и не всегда изъявляетъ она самымъ дѣломъ свое свѣденїе; однако, кто можетъ сказать, что новорожденный, на пр. младенецъ не имѣетъ разума, поелику оный еще не изъявляется чрезъ приличествующїя дѣйствїя? Никто по

Б 3 истин-

(*) Vid. Wolf. Psych. *Rat.* §. 66. et §. 191.

(**) Vid. *Cl. P.* Corsin. *Phys. part.* tr. 2. *disp.* 4. cap. 1. §. 5.

истиннѣ, да и не возможно сего утверждать; ибо причиною того не приведенные его еще въ совершенство тѣлесные органы, а самая душа, которая по врожденнымъ себѣ склонностямъ и способностямъ, какъ существо, имѣющее уже бытіе, имѣетъ всегдашнее и непрерывное стремленіе къ изъявленію своего бытія.

Но какъ величайшая надобность въ томъ состоитъ, и первымъ началомъ всякой истинны пріемлется, *знать самого себя*, то за весьма нужное почитается прежде всего испытывать, сколь далеко силы способностей душевныхъ простираются, и смотрѣть, не подверженъ ли бываетъ умъ нашъ какимъ заблужденіямъ, дабы созидающимъ намъ великолѣпное зданіе для истинны и премудрости, при окончаніи онаго, какъ лишеннымъ надлежащихъ иждивеній, не могли другіе сказать слѣдующаго: *Сей человѣкъ нача здати, и не може совершити* (*). То есть, всегда мы въ мысли своей должны содержать, что умъ нашъ, поелику весьма тѣсными ограниченъ предѣлами, превеличайшимъ часто и опаснѣйшимъ подвергается заблужденіямъ, такъ что оныя иногда причиняютъ вредъ нашему благополучію, лишаютъ всего имѣнія, другимъ предаютъ на посмѣяніе и поруганіе, когда мы отъ нихъ бываемъ изобличаемы въ оныхъ, а не рѣдко и самую жизнь до крайней опасности доводятъ. Изъ чего явствуетъ, что никакой погрѣшности и никакого заблужденія, происходящаго отъ нашего ума, не должно оставлять въ пренебреженіи, но стараться по крайней возможности о истребленіи онаго. Ибо хотя нѣкоторыя изъ оныхъ и кажутся на первой случай маловажными; однако притомъ то надобно знать, что и отъ малой искры великіе раждаются пожары, и маловажныя погрѣшности много препятствуютъ намъ въ томъ, чтобъ мы не столь удобно могли доходить до Коринфа, гдѣ истинна и премудрость обитаютъ.

Погрѣшностію же или заблужденіемъ ума нашего называется, когда мы ложное принимаемъ за истинное, и хотя такое заблу-

(*) См. Лук. гл. 14. стихъ 30.

блужденїе не собственнымъ и формальнымъ, но матерїальнымъ токмо должно почитаться, поелику въ простыхъ понятїяхъ такого не находится; однако по большей части самое наше познанїе бываетъ истинною и единственною причиною такого заблужденїя, поелику мы, не изслѣдовавъ надлежащимъ образомъ какого понятїя, скоропоспѣшно разсужденїе свое отвлекаемъ отъ онаго, и такъ впадаемъ въ формальное заблужденїе, обыкновенно называемое *смѣшенїемъ разсужденій*. Но гораздо пристойнѣе раздѣляются заблужденїя на теоретическїя и практическїя, изъ которыхъ первыя причиняютъ вредъ нашему познанїю о вещахъ, на пр заблуждаю я, когда говорю, *что душа челоцѣческая есть тѣлесная*, а послѣднїя развращаютъ свободныя наши дѣиствїя. Почему практическїя заблужденїя причиняютъ большей вредъ, поелику все спасенїе наше ближайше зависитъ отъ надлежащаго свободныхъ нашихъ дѣйствїй сообразованїя. Но какъ отъ теоретическихъ заблужденїй непосредственно произходятъ и практическїя, то и сихъ весьма должно остерегаться всякому.

Весьма бы продолжительно было П. С. естьли бы я хотѣлъ изчислять здѣсь разныя причины, отъ какихъ именно какїя произходятъ заблужденїя, почему заблаго и разсудилъ изъяснить одни токмо средства, помощїю которыхъ можемъ мы предохранять мысли свои отъ разныхъ заблужденій. И вопервыхъ ничто такъ не препятствуетъ нашему познанїю, какъ предразсужденїя (*), полученныя во младенчествѣ. Ибо мы прежде еще созрѣлаго своего разума, впе-

ряемъ

(*) Чрезъ слово *предразсужденїе* нѣкоторые въ пространномъ смыслѣ разумѣютъ всякую погрѣшность, или всякое ложное мнѣнїе; собственно жъ значитъ не что иное, какъ источникъ, или ложное начало заблужденїй; иногда означаетъ всякое такое предложенїе, которое съ скоропоспѣшностїю принимается, безъ надлежащаго изслѣдованїя, ложное ли оно, или истинное. Славный же Аглинскїй Канцлеръ БАКОНЪ Веруламїй предразсужденїя называетъ *логическими идолами (idola Logica)*. Ибо какъ идолы отъ многобожниковъ почитались вмѣсто истиннаго Бога, такъ и предразсужденїямъ, какъ настоящей истиннѣ, надлежащее почтенїе отъ зараженныхъ оными отдается. Vid. Martin. Knutzen. *elem. Philos. Rational.* p. 167. et 168.

раемъ въ свою голову многія безразсудныя мысли, которыя съ лѣтами нашими вмѣстѣ возрастаютъ, умножаются и большею частію столь укрѣпляются и вкореняются, что напослѣдокъ онымъ, какъ чрезъ долгое употребленіе и привычку вкоренившимся въ насъ, будтобы общимъ нѣкоторымъ понятіямъ, почерпнутымъ отъ самой природы, противиться или за непристойное почитаемъ, или совсѣмъ не въ состояніи бываемъ. Въ особливости жъ много вреда причиняетъ нашему познанію предразсужденіе чувствъ (*), которое также съ самаго начала жизни нашей обладаетъ нами; ибо мы все, что ни находится въ свѣтѣ, первѣе понимаемъ чувствами, нежели разумомъ, и потому скорѣе повинуемся онымъ, нежели сему. Но весьма легко можно свободиться отъ такихъ заблужденій, естьли мы будемъ послѣдовать самому опыту, который точно можетъ увѣрить насъ, что не всегда вещи имѣютъ такое свойство, какими оныя на первой случай представляютъ намъ чувства, но при всякомъ чувствованіи должны мы наблюдать особливо всѣ тѣ правила, какія предписываютъ намъ Философы (**). Должны притомъ послѣдовать наста-

(*) Предразсужденіе чувствъ особливо состоитъ въ томъ, когда мы то весьма малымъ почитаемъ, что видимъ издали, и удивляемся тому, когда сказываютъ намъ Физики, что всѣ тѣла могутъ дѣлиться на безчисленныя и весьма малыя части; или когда предѣлами земли почитаемъ токмо то, что постигаемъ нашимъ зрѣніемъ; также когда отрицаемъ бытіе того, чего не понимаемъ своими чувствами, и проч. Vid. IOH. FRID. HILLER. *log.* p. 11. ſect. 1. cap. IV. pag. 152.

(**) Правила для чувствъ: 1) чувственные органы должны быть неповрежденные, на пр. слѣпой не можетъ разсуждать о цвѣтахъ, а тотъ, кто боленъ горячкою, о вкусѣ; 2) чувствами понимаемые предметы должны находиться въ надлежащемъ разстояніи отъ чувственныхъ органовъ, на пр. солнце, поелику оно отъ насъ весьма далеко отстоитъ, почитаемъ мы тарелкою, хотя въ самой вещи имѣетъ оно круглую фигуру; 3) тѣла между самымъ предметомъ и самымъ органомъ находящіяся, на пр. воздухъ, вода, стекло, всегда должны быть однообразны; ибо, естьли оныя перемѣняются, то и самое изображеніе предмета показывается отмѣннымъ, на пр. когда я смотрю сквозь голубаго, зеленаго, или желтаго стекла, то и всѣ предметы въ такомъ же видѣ мнѣ представляются, и проч. Vid. P. HERMANN. OSTERRIEDER. *Log. Pract.* diſſert. II. ſect. III. Artic. I. §. 295. pag. 412.

наставленїямъ физиковъ и математиковъ, которые подаютъ намъ весьма изрядныя прáвила въ разсужденїи того, какимъ образомъ надлежитъ намъ сообразовать свои мысли и приводить оныя въ согласїе между собою; то есть, великое различїе должны мы полагать между учеными и неучеными (*), особливо чувства свои сообразовать съ разумомъ своимъ, когда оныя представляютъ токмо то, что грубаго въ тѣлахъ находится, и наконецъ, во время самыхъ души нашей перемѣнъ, нечистому своему разумѣнїю противополагать чистое и безпримѣсное разумѣнїе; а больше всего, чтобъ чувства не могли доводить насъ до заблужденїя, надобно прїятность оныхъ растворять съ прїятностїю всегдашняго разсужденїя. Предразсужденїе жъ воображенїя, также зависящее отъ чувствъ и препятствующее нашему познанїю чрезъ безразсудное соединенїе идей, удаляютъ отъ насъ подробныя вещей понятїя, помощїю которыхъ можемъ мы отдѣлять отъ вещей все то, что въ оныхъ случайнымъ токмо образомъ находится. Ибо чѣмъ яснѣе и подробнѣе какую вещь понимаемъ чувствами, тѣмъ удобнѣе воображаемъ себѣ оную (**), и чѣмъ чаще одно и тоже чувствованїе повторяется, тѣмъ большїя силы получаетъ себѣ воображенїе (†). Сильнѣе притомъ и лучше дѣйствуетъ въ насъ воображенїе, когда внѣшнїя наши чувства находятся въ покоѣ, нежели въ то время, когда оныя или чувствомъ зрѣнїя,

 или

(*) Мы обыкновенно и лучше слушаемъ такихъ людей, которые разсказываютъ намъ пустыя и ничего хорошаго въ себѣ не заключающїя басни, нежели тѣхъ, кои говорятъ намъ о дѣлѣ, и большею частїю гнушаемся первыми, а послѣднихъ съ охотою при себѣ содержимъ.

(**) На пр. въ которомъ городѣ я жилъ больше, того или величину, или порядокъ строенїя, или положенїе, въ отсутствїи будучи, удобнѣе могу привести себѣ на умъ, нежели такого города видъ, въ которомъ только мимоѣздомъ одну ночь переночевалъ.

(†) Примѣромъ могутъ служить тѣ, кои или любви, или роскошамъ, или играмъ вдавшись, столь сильно прелестями оныхъ заражены бываютъ, что напослѣдокъ, будучи не въ состоянїи сами собою обладать, и стремительнымъ своимъ безумїемъ, какъ бы нѣкоторымъ вихремъ, возхищенные на верьхъ, стремглавъ упадаютъ.

или слышанія и проч. возпящаются. Ибо самымъ опытомъ извѣстно, что виды вещей, которые намъ представляются во снѣ, гораздо сильнѣе утверждаются въ нашемъ умѣ, нежели тѣ, кои понимаемъ мы не во снѣ, поелику вовремя сна прочія внѣшнія чувства находятся въ покоѣ, а одно токмо вообраненіе тогда дѣйствуетъ (*). Но чтобъ воображенія сходственныя были съ нашимъ разумѣніемъ, то не одни токмо тѣ книги, которыя наполнены разными увеселительными повѣстями, должны мы читать, но особливо такія, въ которыхъ заключаются разумныя наставленія, служащія для исправленія злыхъ нашихъ нравовъ и безразсудныхъ мыслей. Ибо чѣмъ чище становится мысль наша, тѣмъ ближе подходимъ мы къ познанію бога.

Отъ заблужденій, которыхъ причиною бываетъ слабая наша память, легко свободиться можемъ, естьли мы тѣ вещи, которыя надлежитъ твердо и долго помнить, будемъ разсматривать многими чувствами чрезъ долгое время съ спокойнымъ духомъ и надлежащимъ вниманіемъ. Много также способствуетъ для памяти соединенной съ воображеніемъ, и подкрѣпляетъ оную означеніе вещей чрезъ идеи и слова, намъ гораздо извѣстныя, а особливо наша память, отъ которой единственно зависятъ всѣ науки (**), умножается отъ того,

(*) Удобно можно понять, 1) для чего тѣ, кои желаютъ живо себѣ представить какую вещь, обыкновенно закрываютъ свои глаза; 2) для чего воображеніе въ тишинѣ и во тьмѣ сильнѣе дѣйствуетъ; изрядно въ разсужденіи сего пишетъ ПЛИНІЙ: *отсюда лѣсъ и пустыни и самое оное безмолвіе, какое употребляется при ловлѣ птицъ, великимъ побужденіемъ бываетъ для мыслей человѣческихъ*, см. Плин. кн. 1. письм. 7. и наконецъ 3) для чего тѣ, кои любятъ науки и прилагаютъ свое стараніе къ онымъ, удаляются отъ людей, и лучше желаютъ быть въ уединеніи. Тотъ же ПЛИНІЙ, описывая способъ ученія, говоритъ: *удивительно, сколь много безмолвіемъ и темнотою питаются мысли человѣческія*. См. Плин. стран. 699.

(**) Не напрасно ПЛАТОНЪ вездѣ называетъ память великою и сильною Богинею, но потому всеконечно, что она много можетъ во всѣхъ наукахъ

того, когда мы будемъ начинать свои упражненія отъ самыхъ легчайшихъ понятій, какъ то и математики совѣтуютъ. Да и слабость ума нашего не дозволяетъ намъ вдругъ разсуждать о многихъ и притомъ важныхъ вещахъ. Изъ чего явствуетъ, что за то токмо должны мы приниматься, что сносно, и смотрѣть, что могутъ и чего не могутъ снести силы наши, по оному: quid valeant humeri, quid ferre recusent, или по мнѣнію Апостолову: *всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи* (*). То есть такимъ только должны мы обучаться наукамъ, которыя нужны и полезны, и такимъ, которыя не превозходятъ и не превышаютъ нашего понятія, или для уразумѣнія которыхъ средства суть легчайшія и извѣстныя, и притомъ не отягощаютъ ни разумѣнія, ни памяти нашей, какъ бы порознь разсыпанными предметами, или къ тому не принадлежащими. Ибо *большею частію*, какъ Сенека говоритъ, *не знаемъ мы много надобнаго и нужнаго потому только, что весьма многому излишнему обучаемся*. Впрочемъ память наша долговременнымъ употребленіемъ и упражненіемъ утверждается и увеличивается, и мы тѣ вещи долѣ помнимъ, о коихъ долѣ и больше разсуждаемъ (**). Когда жъ память какъ бы изъ своихъ сокровищъ, что удѣляетъ намъ, то въ такомъ случаѣ прилѣжно смотрѣть должно, та ли самая вещь, которую я чрезъ память желалъ привести себѣ на умъ, или токмо подобная оной, дабы подобіе или сходство вещей не могло насъ обмануть, то есть, чтобъ подобныхъ или сходственныхъ вещей не могли мы почесть за однѣ и тѣже самыя вещи. И сіе тѣмъ удоб-

 нѣе

укахъ и художествахъ. Для сей то причины многіе изъ древнихъ Философовъ имѣли великое прилѣжаніе къ *наукѣ* такъ называемой *Мнемонической* (*ars mnemonica*). Vid. Morhof. in *Polyhistor.* tom. 1. lib. 11. cap. 6.

(*) См. къ *Римлян.* гл. 12. стихъ 3.

(**) Справедливо Цицеронъ говоритъ, что память ослабѣваетъ, ежели оставить оную безъ упражненія. vid. Cic. lib. *de senect.* cap. 7. И Квинтиліанъ тоже подтверждаетъ, что память всегдашнимъ упражненіемъ подкрѣпляется. Vid. Quintil. *Institut. orator.* lib. 1. cap. 1.

ніе получить можемъ, естьли послѣдовательнымъ образомъ будемъ разсматривать обстоятельства той вещи, которая намъ приходитъ на память. Ибо чѣмъ больше обстоятельствъ въ разсужденіи какой вещи разсматриваемъ со вниманіемъ и нескоропоспѣшно, тѣмъ яснѣйшее и подробнѣйшее объ оной понятіе наше бываетъ, и о подобіи или сходствѣ оной съ другою безъ всякой почти погрѣшности разсуждать можемъ. Естьли жъ такія обстоятельства со всѣмъ не приходятъ на умъ, и память никакого не дѣлаетъ вспомоществованія, то въ такомъ случаѣ лучше ничего положительнымъ образомъ не утверждать о той вещи и никакого не дѣлать разсужденія.

Хотя отвлеченіе всеобщихъ о вещахъ понятій много способствуетъ для просвѣщенія нашего разума, и мы чрезъ сіе почти одно отличаемся отъ безсловесныхъ скотовъ; однако и такое дѣйствіе нашего разумѣнія часто отвлекаетъ насъ отъ истиннаго и надлежащаго разсужденія, и особливо когда мы что въ умѣ своемъ представляемъ въ отдѣленномъ смыслѣ, а въ самой вещи почитаемъ тоже самое соединеннымъ, и дѣйствія, которыя токмо вообще почитаются или добрыми или худыми, относимъ къ особеннымъ случаямъ. Такимъ образомъ поступая, впадаемъ въ заблужденіе происходящее отъ предразсужденія отвлеченія, то есть, когда или о всеобщихъ или объ особенныхъ вещахъ не справедливо разсуждаемъ. Но кто знаетъ, что всякое сущее дѣйствительно находящееся точно опредѣлено, а отвлеченныя сущія, поелику неопредѣленныя точно, безъ дальняго опредѣленія не могутъ имѣть бытія, тотъ легко можетъ избѣжать заблужденій, происходящихъ отъ предразсужденій отвлеченія, и особливо есть ли тѣхъже самыхъ свойствъ, какія приписываются вещамъ, дѣйствительное бытіе имѣющимъ, не будетъ присвоять отвлеченнымъ сущимъ, и притомъ самыя отвлеченныя сущія не будетъ почитать за сущія въ отдѣленности состоящія и имѣющія такое жъ отношеніе къ вещамъ, какое имѣютъ между собою особенныя и точно опредѣленныя вещи (*). Ничего здѣсь не упо-

(*) Такому заблужденію подвержены были славные и ученые мужи НЬЮТОНЪ и ЛОККЪ, которые *пространство* (*Spatium*) почитали веществен-

упоминаю я о тѣхъ заблужденіяхъ, какія обыкновенно происходятъ отъ разныхъ темпераментовъ, или отъ разныхъ склонностей человѣческихъ. Ибо всякъ самъ собою можетъ дознать, какимъ онъ по своему сложенію и по своимъ склонностямъ можетъ подвергаться заблужденіямъ, и какія напротивъ того, для избавленія отъ оныхъ, предохранительныя употреблять средства. Вообще жъ для всякаго человѣка, въ разсужденіи природныхъ его склонностей, можетъ служить сіе правило: всякъ долженъ стараться о томъ, чтобъ надлежащимъ образомъ познать самого себя и особливо имѣть подробное понятіе, какая большею частію склонность господствуетъ въ немъ, а сіе спознавъ, долженъ имѣть въ презрѣніи все то, что съ склонностями его согласно, и до тѣхъ поръ не соглашаться на произволеніе оныхъ, пока надлежащимъ образомъ не разсмотритъ, какимъ именно склонностямъ послѣдовать должно. Что жъ принадлежитъ до прочихъ предразсужденій и средствъ предохраняющихъ отъ заблужденій, то я оставляю далѣе исчислять оныя, почитая мое слово продолжительнымъ, но объ одномъ токмо средствѣ, какъ бы всеобщемъ, какое намъ предлагаетъ Картезій, кратко упомяну: *отъ предразсужденій*, говоритъ онъ, *не инако свободиться можемъ мы, какъ естьли будемъ съ разсужденіемъ сомнѣваться о всѣхъ въ жизни сбывающихся такихъ приключеніяхъ, въ которыхъ хотя малѣйшее подозрѣніе въ разсужденіи несправедливости находимъ*. И такъ кончится здѣсь мое предпріятое слово. Спѣшу теперь, исполненъ ревностнѣйшимъ усердіемъ, къ изъявленію причины нынѣшняго торжества.

 Всѣ

ственнымъ, отдѣленнымъ и въ соединеніи съ другими вещьми находящимся сущимъ, когда напротивъ того чрезъ слово spatium, не что иное разумѣется, какъ порядокъ вещей сопребывающихъ, поелику то есть сопребываютъ взаимно между собою. Не меньше заблуждаютъ также и Математики, которые отъ безчисленнаго раздѣленія на части математическаго и въ отвлеченномъ смыслѣ взятаго тѣла заключаютъ, что и физическое тѣло можетъ дѣлиться на безконечныя части. Не упоминаю о простомъ народѣ, который смерть почитаетъ отдѣленнымъ существомъ и изображаетъ оную съ косою и съ другими принадлежностями. Сюда жъ принадлежатъ и тѣ, которые, подъ именемъ болѣзни *лихорадка*, разумѣютъ въ отдѣленномъ смыслѣ 12. сестръ, то есть, будто бы въ свѣтѣ находится 12. лихорадокъ.

Всѣ мы вообще П. С. третьяго дня праздновали высокоторжественный день возшествія на Всероссійскій престолъ предъизбранной богомъ Всепресвѣтлѣйшей САМОДЕРЖИЦЫ нашей ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ, но сего дня тотъ же самый день, въ изъявленіе своего усердія, благоговѣнія и подобающей благодарности толикой благодѣтельницѣ и покровительницѣ Московскихъ музъ, и Императорскій Московскій Университетъ торжествуетъ свѣтло. Сей есть по истиннѣ пресвѣтлый оный и долгожеланный день, въ которой исполнилось уповаеіе, совершились желанія всѣхъ сыновъ Россійскихъ; сіе есть преблагополучное оное время, въ которое увидѣли мы возшедшую денницу, возшедшую, говорю, на Всероссійскій Императорскій престолъ, ВЕЛИКУЮ и ПРЕМУДРУЮ ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ ВТОРУЮ, веселящую своею премудростію сердца своихъ вѣрноподданныхъ рабовъ, и другихъ въ удивленіе приводящую. Пусть славятся Римляне тѣмъ, яко бы во время Кесаря Августа Октавія источники изливались елея, чрезъ что они разумѣли милосердаго быть Государя; но мы Россіяне по самой справедливости проповѣдуемъ тоже самое о нашей ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ АВГУСТѢ ЕКАТЕРИНѢ, которая судъ и правду, соединенную съ кротостію и милосердіемъ, учреждаетъ во всей своей обширной Имперіи. Пусть вымышляютъ древніе, яко бы во время Кесаря Авреліана серебреныя съ небесъ на землю падали капли; но мы самымъ дѣломъ видимъ, что при обладающей нами счастливѣйшей въ свѣтѣ Монархинѣ не однѣ капли, но цѣлые источники, исполненные сребромъ, златомъ и драгоцѣнными каменьями, изъ нѣдръ своихъ земля производитъ на свѣтъ въ Россійской державѣ. Счастливы убо мы и сто кратъ счастливы Тобою Премудрая ИМПЕРАТРИЦА наша! ибо Ты, истинною Себя показуя Матерію отечества, неусыпно стараешся о пользѣ и прославленіи онаго; счастливы Тобою и другіе народы, видя Тебя отъ бога ниспосланную для избавленія ихъ отъ ига безбожнаго и звѣровиднаго варвара; Тобою хвалятся избавленная Молдавія и спасенная Валахія; подъ Твою непоколебимую державу вся Греція и Понтъ главы свои уже подклонить желаютъ; Тебѣ удивляет-

ся

ся вся вселенная; мы Твои вѣрноподданные рабы желаемъ долголѣтнаго здравія Тебѣ купно съ любезнѣйшимъ и дражайшимъ Твоимъ Сыномъ, Всероссійскаго престола законнымъ Наслѣдникомъ, Благовѣрнымъ Государемъ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ и Великимъ княземъ *ПАВЛОМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ*.

Господи боже силъ! возвесели силою твоею ИМПЕРАТРИЦУ нашу, покори подъ ноги ЕЯ гордыхъ супостатовъ, безбожныхъ Агарянъ, христоненавистныхъ Мусульмановъ; утверди православныхъ жительство, возвеличи имя возлюбленной Тобою БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ нашей САМОДЕРЖИЦЫ, да о имени ЕЯ возрадуется, возвеличится и прославится во всѣхъ концахъ земныхъ Россія.

